

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

В водовороте страстей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
В водовороте страстей / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 292 с.

ISBN 978-5-519-95144-9

ISBN 978-5-519-95144-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

матерью въ послѣдній разъ дочерью красавицей, любятъ ею гости пьяные, а пуще всѣхъ любитъ своей молодой женой самъ Архипъ Зиновьевичъ. Только сама Аграфена Дементьевна улыбнется и задумается, сбѣжить съ лица румянецъ алый, а она сидитъ и думаетъ тяжелую одинокую думушку.

— Позови-ка, жена, музыканта, — проговорилъ Оплетинъ, — пусть гости маленько повеселятся. Не люблю, чтобы на честномъ пирѣ да укусомъ пировали.

На зовъ Оплетина, вошелъ въ комнату старый скрипачъ, высокій старикъ, съ маленькой бородкой, съ густыми сѣдыми бровями, изъ-подъ которыхъ улыбались два сѣрыхъ привѣтливыхъ глаза. Раскланялся, старикъ гостямъ, выпилъ чарку вина, вытеръ губы рукавомъ синяго халата и принялся настраивать свой инструментъ, а самъ улыбается себѣ въ бороду тихонько, точно ребенокъ малый.

— Ну, Кулага, утѣшь, дружба, — весело говорилъ Оплетинъ, поглядывая какъ старикъ настраивалъ свою музыку, — пусть косточки поразомнутся, ноженьки поразойдутся у дорогихъ гостей, да такъ, чтобы пѣлюю недѣлю ходить было нельзя.

— Будьте спокойны, Дементій Осипычъ, — улыбался Кулага, — такъ уважимъ, что ноги сами пойдутъ въ присядку.

— Ой-ли? Ну, такъ тебѣ слѣдуетъ еще выпить, Кулага, — порѣшилъ Оплетинъ.

Выпилъ Кулага, приложилъ сѣдую щеку къ старой скрипкѣ, провелъ смычкомъ — и полилась русская пѣсня, а ее подхватили пьяные гости и пошло-загорѣлось новое веселье въ высокихъ хоромахъ Оплетина. А вонъ ужъ дядя Акимъ не можетъ больше терпѣть, руки и ноги такъ ходенемъ и ходятъ; вышелъ онъ изъ-за стола, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ и пустился въ плясъ, только плечами подергиваетъ да ногами выверты разные откалываетъ.

— А ѣшь-те мухи съ комарами, вскрикиваетъ Акимъ, становясь среди комнаты и упирая руки въ боки, — валай, Кулага, уважимъ хозяина....

И пошелъ Акимъ отплясывать, притопывать да подмигивать, а гости улыбаются да Акима подхваливаютъ, что вотъ-де, умудрить же бѣсъ человѣка на эдакую хитрость, а Акимъ чѣмъ больше пляшетъ, тѣмъ больше разгорается и только покрикиваетъ, что скучно ему одному плясать, нѣтъ ли гдѣ товарища подходящаго. Догадались гости, на что намекалъ Акимъ, и пошли просить Аграфену Дементьевну, чтобы уважила она ихъ для послѣдняго раза. Долго она отпѣкивалась да отговаривалась, но заступился за своихъ гостей самъ старикъ Оплетинъ. Противъ воли родительской знаменного не подѣлаешь, пришлось Аграфенѣ Дементьевнѣ выйти изъ за стола, а дядя Акимъ такъ мелкимъ бѣсомъ передъ ней и разыгрывается, ногами сѣменить, руками размахиваетъ.

Лебедь лебедью выплывала Аграфена Дементьевна, подымала руку бѣлую, платочкомъ поманивала, какъ зоря улыбалася, каблучками притопывала. Не трава шумить, не рѣка журчить, то шепчутся, удивляются гости пьяные, что не красотѣ, не росту Грунину, а ея-ли выходкѣ дѣвичьей, поступи павиной, удали молодецкой. Разошелся совѣтъ дядя Акимъ, словно въонъ увивается, плечами подергиваетъ, то вскинется, то опустится, мелкой розсыпается, гикаетъ-ухмыляется, а Кулага знай себѣ наигрываетъ да плясуновъ подзадориваетъ.

Старику Оплетину некогда было смотрѣть на пляску; его отозвали встрѣчать новыхъ гостей, которыхъ онъ давно уже поджидалъ. Это былъ прикащикъ Межгорскаго завода, Назаръ Зотейчъ Разсказовъ съ своей супругой, Евгеней Павловной.

— Милости просимъ, милости просимъ, дорогіе гости, говоритъ Оплетинъ, низко кланаясь новымъ гостямъ:—а я ужъ подумывалъ было, что вы и позабыли меня, старика.

— Зачѣмъ забывать старика, весело возразилъ Назаръ Зотейчъ, здороваясь съ Оплетинымъ.—Ну, что, весело-ли пируете?

— Зачѣмъ другимъ, Назаръ Зотейчъ, а за весельемъ въ люди не пойдемъ, отвѣчалъ съ улыбкой Оплетинъ, провожая гостей въ горницы.

— Э, да у тебя тутъ дымъ коромысломъ стоитъ, сказалъ прикащикъ, заглядывая на шумѣвшихъ гостей, которые сразу притихли, завидѣвъ начальство. — А гдѣ молодые-то, покажи-ка, старина?

— А вотъ и молодые, прошу любить да жаловать. И старикъ подвелъ прикащика съ женой къ столу, за которымъ сидѣлъ одинъ Рублевъ. — А гдѣ же Архипъ Зиновичъ, жена-то, аль потерялъ?

— Да вотъ дядя Акимъ сманилъ, сумрачно говорилъ Рублевъ, показывая глазами въ сторону Кулаги.

— Эге, значить пиръ у тебя идетъ на славу, весело говорилъ — прикащикъ, подходя къ Кулагѣ. Ну, что, братъ, каково идетъ на свадьбѣ? Чай всѣ наплясались до смерти....

— Ничего, малость поплясываютъ, — только вотъ вашей милости недоставало, — замѣтилъ улыбаясь Кулага.

— Наше отъ насъ не уйдетъ, Кулага, — возразилъ прикащикъ, потрепавъ старика по плечу, — а вотъ ты скажи лучше, гдѣ сама молодая, посмотреть на нее хоть-бы однимъ глазомъ.

Гости разступились и Назаръ Зотеичъ очутился лицомъ къ лицу съ раскраснѣвшей отъ пляски Аграфеной Дементьевной, низко опустившей глаза. Словно солнцемъ освѣтило Назара Зотеича, какъ глянулъ онъ на молодую, — отроду не видывалъ онъ такой красавицы, а она стоитъ и глазъ не смѣетъ поднять, одна только лишь грудь бѣлая, высокая подъ кисейной рубашкой какъ волна вздрагиваетъ-поднимается. Смотритъ Назаръ Зотеичъ на красавицу и глазамъ своимъ не вѣритъ, что у старика Оплетина такая жемчужина зародилась; смотритъ и Евгенья Павловна да мужа подталкиваетъ, что вотъ-де настоящая краля писаная.

— Ну, здравствуй, молодая, — сказалъ Назаръ Зотеичъ, подходя къ Аграфенѣ Дементьевнѣ и взявъ ее за руку, — не зналъ я, что у старика Оплетина есть такая дочь красавица, а то бы пожалуй какъ-разъ свою жену разлюбилъ, ну а теперь, выходить, запоздать.

— На чужой короной ротъ не разѣвай, шепнулъ кому-то дядя Акимъ.

— Зачѣмъ она у васъ въ сарафанѣ? ее непременно надо одѣть въ платье—говорила Евгеня Павловна старику Оплетину.

— Матушка, Евгеня Павловна, говорилъ Оплетинъ, — люди мы простые, пряники ѣдимъ неписанные да и старинки придерживаемся, такъ ужъ намъ ладно и въ сарафанѣ.

— Да что тутъ толковать, заговорилъ прикащикъ, — это все модницы выдумываютъ отъ нечего дѣлать, а по моему—сарафанъ и дѣлу конецъ, лучше ненадо. Вотъ кабы мнѣ теперь лѣтъ десятокъ съ плечъ долой, такъ меня-бы ладономъ не откурилъ отъ Оплетиной-то дочери, даромъ что въ сарафанѣ. Жаль, жаль, дожили мы уже съ тобою, Дементій Осиповичъ, до большой старости. Правду я говорю?

— Што говорить, извѣстное дѣло—старость не радость, не красные дни, отвѣчалъ Оплетинъ, поглядывая съ улыбкой на высокаго статнаго прикащика, который былъ, какъ говорится, въ полномъ соку, когда въ человѣкѣ каждая жилка играетъ.

— Ну, старина, скажи гостямъ, чтобы веселились какъ до меня, я никому не мѣшаю и самъ радъ повеселиться, говорилъ прикащикъ.

— Помилуйте, Назаръ Зотеичъ, какъ вы можете помѣшать намъ, съ поклономъ возразилъ Оплетинъ, не зная чѣмъ угощать дорогихъ гостей.

Евгеня Павловна присоединилась къ заводскимъ дамамъ, а Назаръ Зотеичъ отправился съ Оплетинымъ къ большому столу, гдѣ стояло вино и разныя закуски.

— Ну, поздравляю тебя, старина, зять у тебя молодецъ, говорилъ прикащикъ, выпивая рюмку водки.

— Благодарствуемъ, Назаръ Зотеичъ, кланялся старикъ, — вашими-бы устами да медъ пить.

— Почему это?

— Да такъ, Назаръ Зотеичъ, поколъ, значить, не зять, такъ и хорошъ, а сталъ зятемъ—глядишь, анъ совсѣмъ другой человѣкъ.

— Эхъ, старина, перестань заживо отпѣвать хорошихъ людей: зятя твоего я досконально знаю много лѣтъ, а потому впередъ скажу тебѣ, что маху ты не далъ, парень хоть куда.

И самъ старикъ Оплетинъ хорошо зналъ, что маху не далъ, да только говорить отъ этомъ не приходилось, на всякій случай посомнѣваться не лишнее, а то, пожалуй, какъ-разъ люди сглазятъ, вотъ-де захвасталъ старикъ Оплетинъ до поры, до времени.

Снова пьютъ, забавляются гости въ высокихъ оплетинскихъ хоромахъ, сидитъ прикащикъ за большимъ столомъ, улыбается, пьетъ да похваливаетъ, съ молодыми заговариваетъ, а Аграфена Деметьевна все за мужа прячется, боится глазъ поднять на Назара Зотеича. Весело на душѣ у прикащика, угодилъ ему старикъ Оплетинъ и пьетъ онъ рюмку за рюмкой, пьетъ да покрываетъ, молодецкій усъ свой поглаживаетъ, на невѣсту заглядывается. А самъ Назаръ Зотеичъ—красавецъ первой руки: высокій и статный собой, лицо красивое, румяное, глаза большіе каріе, такъ прямо въ душу и смотрятъ, а на головѣ кудри русые молодецкіе, изъ кольца въ кольцо сами завиваются. Хорошъ Назаръ Зотеичъ, когда встанетъ да выпрямится, присанится, грудь могучую выправитъ, а какъ улыбнется—ни одна дѣвка, ни одна баба не выдержитъ, глаза въ землю опуститъ и зардѣется какъ маковъ цвѣтъ. Большую силу, говорить имѣлъ, Назаръ Зотеичъ надъ женскимъ поломъ.

— А что это дочь-то у тебя прячется? спрашиваетъ прикащикъ Оплетина,—я вѣдь не кусаюсь...

— Да такъ, Назаръ Зотеичъ, глупость ихъ женская такая есть, а можетъ и обычай. Бояться ей, разумѣется, нечего. Што же ты, Груня, и въ самомъ-то дѣлѣ прячешься?

— Ну, оставь ее, старина, улыбался прикащикъ,—знаешь поговорку, что силой милому не быть...

Пьютъ себѣ забавляются оплетинскіе гости, пьетъ и Назаръ Зотеичъ и дѣлается ему веселѣе да веселѣе, такъ и подмываетъ какую-нибудь штуку отпустить, а Кулага знай себѣ разливается на

своей музыкѣ, да подзадориваетъ добрыхъ людей. Опять пляшетъ дядя Акимъ, пляшетъ что есть моченьки, съ самого потъ такъ градомъ и катится, а отстать нельзя, потому увязалась плясать съ нимъ какая-то задорная молодая бабенка, и не отстаетъ, хоть что хошь. А попуститься бабѣ дядѣ Акиму все равно, что голову съ плечъ. Давно смотритъ Назаръ Зотейчъ на пляску, хвалить да языкомъ прищелкиваетъ, а самого такъ охота и разбираетъ, словно каждая косточка шевелился—въ плясъ идти просится.

— А что, Назаръ Зотейчъ, сидѣть-то даромъ, говорить старикъ Оплетинъ,—надо-бы чай и стариной тряхнуть, поразмять косточки, а я бы тебѣ парочку подходящую нашелъ.

— Ну, анъ пусть будетъ по-твоему,—только вотъ что, старина: любъ али не любъ я твоей дочери, а должна она меня уважить въ первой и послѣдній разъ... Такъ я говорю или нѣтъ?

— Извѣстное дѣло, Назаръ Зотейчъ, а моя Груня сама рада радеховька, только для первоначалу стыдится маненько.

— Стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ, а только вотъ что, старина,—хоть я и сказалъ, что непременно хочу плясать съ твоей дочерью, а все же неволить ее не могу. Спроси ее, хочетъ она или нѣтъ пройтись со мной?

Спряталась Груня за мужа, а сердце такъ и бьется, точно хочеть выскочить изъ-подъ кисейной рубашки, все лице занялось словно полымемъ, и страшно ей, до смерти страшно, а чего страшно—сама не знаетъ. А отецъ наклонился надъ самымъ ухомъ и уговариваетъ:

— Перестань, Груня, не ломайся, не хорошо... вѣдь плясала же давеча съ Акимомъ, а съ прикащикомъ и подавно плясать можно.

— Нѣтъ, нѣтъ... качая головой возражала Груня; но отецъ такъ взглянулъ на нее, что она сама, не помня себя, прошептала:— я пойду...

— Давно-бы такъ-то, чѣмъ артачиться попустому, замѣтилъ улыбаясь старикъ Оплетинъ, радуясь, что добился желаннаго отвѣта, а Груня ужъ спохватилась да было поздно.

— А для смѣлости я тебя съ муженькомъ поподчую красной водочкой. И отецъ поднесъ молодымъ по чаркѣ наливки.

Вышелъ Назаръ Зотеичъ на средину горницы, встала напротивъ его Аграфена Дементьевна, ударилъ смычкомъ по струнамъ Кулага и начался плясъ, да такой, что и старики не упомнать. Мастеръ своего дѣла былъ Назаръ Зотеичъ; плясывалъ онъ на своемъ вѣку не мало, на рукахъ носили его за его молодецкую пляску, только самъ онъ чувствовалъ, что никогда не плясалъ такъ, какъ сегодня: откуда что бралось, ноги такъ сами и идутъ. Низко опустила Груня свои голубые глазки, когда павой проплыда предъ Назаромъ Зотеичемъ, только румянецъ разливался все больше и больше у ней по лицу, а Назаръ Зотеичъ такъ и впился въ нее глазами, кровь ходуномъ ходить по всему его тѣлу, индѣ въ глазахъ какой-то туманъ стоитъ. Но вотъ встряхнулся прикащикъ и пошелъ ухаживать кругомъ Аграфены Дементьевны: не успѣетъ она отвернуться отъ него, а онъ ужъ у ней предъ глазами такое колѣнцо въ присядку отламываетъ, что даже у гостей поджилки трясутся. Лихо плясалъ Назаръ Зотеичъ, такъ лихо, что даже сама Аграфена Дементьевна разошлась не въ шутку и пошла отплясывать во всѣ тяжкія, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, а Назаръ Зотеичъ только этого и дожидался: какъ вскинется, закружится, затопаетъ, поплыветъ переступью, ударится въ присядку, только въ глазахъ мелькаетъ...

— Вотъ, Акимъ, сипяши-ко такъ, сказалъ кто-то Акиму.

— Куда ужъ намъ, отвѣчалъ почесывая въ затылкѣ Акимъ,— не нашимъ ртамъ мышей ловить.

Всѣ гости любятъ молодецкой пляской Назара Зотеича съ Аграфеной Дементьевной да приговариваютъ:

— Вотъ такъ парочка—любо-дорого, отдай все да и мало. А ужъ этакаго прикащика, изойди весь свѣтъ, не найдешь: то-то плясунъ.

Только одинъ Архипъ Зиновьевичъ сумрачно смотреть на все, а больше всего на то, какъ пляшетъ съ прикащикомъ его молодая жена. Подошелъ къ нему сзади старикъ Оплетинъ и ударилъ по плечу.

— Что задумался, дорогой зятюшка, что глядишь черной тучей?

— Да чему мнѣ радоваться, тому что-ли, какъ бѣса тѣшать...

— Эхъ ты, голова, голова, всему время, всему пора и пословица говорить, дѣлу время, а потѣхъ часъ.

— Пень не околица—глупая рѣчь не пословица, Дементій Осипычъ.

— Не хорошо ты сказалъ, Архипъ Зиновьевичъ, потому и свиньѣ бываетъ праздникъ, а мы не чернецы, можемъ повеселиться при случаѣ. Худаго въ этомъ на волосъ нѣтъ...

Не успѣлъ Оплетинъ договорить до конца свою рѣчь, какъ пляска кончилась, идетъ Груня за свое мѣсто за столомъ, а сама такъ и пышетъ огонь-огнемъ; за ней идетъ Назаръ Зотеичъ, улыбается да платочкомъ помахиваетъ.

— Ну, старина, спасибо тебѣ, сказалъ прикащикъ, ударивъ по плечу Оплетина;—отъ роду такъ не плясывалъ, какъ съ твоей Аграфеной Дементьевной... Уважилъ ты меня, спасибо, авось и я у тебя въ долгу не останусь.

— Много благодарны вашей милости, Назаръ Зотеичъ, низко кланялся Оплетинъ, довольный, что угодилъ прикащику.

Еще посидѣлъ немного Назаръ Зотеичъ и отправился домой, приговаривая, что ненадо задерживать молодыхъ. Весело потиралъ руки старикъ Оплетинъ, когда проводилъ прикащика, поправилось старику, что прикащикъ только къ нему одному на заводѣ пришелъ на свадьбу, да еще и вмѣстѣ съ женой.

— Вотъ какъ, Архипъ Зиновьевичъ, самъ прикащикъ къ намъ съ тобой пришелъ, говорилъ Оплетинъ зятю:

— Не велика честь, а еслибы и не пришелъ, такъ не бѣда, волкомъ огрызаясь отвѣтилъ Рублевъ.

— Э-эхъ, ты, голова—малина, ничѣмъ-то на тебя не угодишь, возразилъ, покачивая головой, Оплетинъ,—а того и не подумаешь, что дозорныхъ-то вась на заводѣ восемь человѣкъ, а прикащикъ одинъ. И стоитъ ему захотѣть, завтра уже ты будешь анбарнымъ... Это какъ?

— Коли заслужу, такъ и безъ него анбарнымъ буду....

— Ну, съ тобой толковать сегодня трудно, Архипъ Зиновичъ. Только одно мнѣ не въ домекъ, какъ ты не разсудишь, что мы съ тобой люди маленькіе и надъ нами воля господская, а прикащикъ всему заводу голова: что захочетъ, то и сдѣлаетъ.

— Не велика птица и прикащикъ-то, сумрачно замѣтилъ Архипъ Зиновичъ, а старикъ Оплетинъ только рукой махнулъ и отошелъ гостей забавлять.

Долго кутятъ-пируютъ въ оплетинскихъ хоромахъ званые гости а на дворѣ давно ужъ стоитъ теплая майская ночь, звѣздная да мѣсячная. Густой туманъ разстилается надъ заводскимъ прудомъ, давно спитъ весь Межгорскій заводъ, только заводская фабрика всю ночь курится да свѣтится, а отъ нея по всему пруду далеко катится громкій стукъ заводскихъ молотовъ, шумъ воды подъ колесами, и глухой гулъ и свистъ разныхъ машинъ да приводовъ.

— Ну, что теперь я такое... заплетающимся языкомъ еле выговаривается дядя Акимъ наклоняясь надъ своей рюмкой,—то есть, къ примѣру, я теперь человѣкъ... и то, есть, грѣшная душа, а все-таки правда будетъ... вѣрно говорю: правда будетъ! Хотя тыщу годовъ пройдетъ, и все же правда будетъ... Вѣрно!... Э-эхъ!.. Акимъ ты, Акимъ простота.... сирота ты горемышная... нѣтъ у тебя ни роду, ни племени!—И крупныя пьяныя слезы катились по красному лицу Акима.

— Ишь какъ разкудахтался, будетъ тебѣ, пора домой, тормошила Акима жена,—пойдемъ домой, молодымъ давно уже пора спать...

— Вѣрно... пора спать, бормоталъ Акимъ, отдаваясь въ руки своей дражайшей половины.

Скоро и всѣ гости разошлись отъ Оплетина по домамъ, а дружки увели молодыхъ въ заднюю избу, гдѣ была для нихъ приготовлена высокая перина.

— Ну, на все Божья воля, проговорилъ старикъ Оплетинъ, махнувъ рукой, когда молодые ушли. Ему вспомнилось грустное печальное лицо Груни. Совѣсть мучила старика, хотя онъ и утѣшалъ себя тѣмъ, что стерпится—слюбится.

II.

Крѣпко подкутилъ Назаръ Зотеичъ на вечерѣ у Оплетина, но хмѣль за ночь у него прошелъ. Утромъ онъ всталъ, по обыкновенію, очень рано и позвонилъ. На звонъ колокольчика въ дверяхъ появился коренастый, приземистый казакъ, извѣстный всему заводу подъ именемъ Макарки. Онъ служилъ при Назарѣ Зотеичѣ много лѣтъ и былъ повѣреннымъ его тайнъ, иногда совѣтникомъ, чаще всего—исполнителемъ всевозможныхъ порученій. Широкая рожа Макарки, съ двумя узенькими черными глазами, выражала одновременно и тупость, и хитрость: дѣйствительно, про Макарку говорили, что онъ глупъ какъ баранъ и хитеръ какъ лисица. Весь Межгорскій заводъ зналъ, что прикащикъ Разказовъ благоволитъ къ Макаркѣ и существовало много весьма хитрыхъ гипотезъ, задававшихся цѣлью разрѣшить тѣмъ или другимъ путемъ тайну этого благоволенія. Какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, всѣ эти хитрыя предположенія оказывались въ дѣйствительности несостоятельными, а дѣло объяснялось весьма просто: Макарка былъ глупъ, слѣдовательно не могъ понять многого, чего не желалъ Разказовъ, чтобы знали посторонніе; Макарка былъ хитеръ, какъ змѣй, слѣдовательно его можно было съ пользой употреблять на разныя щекотливыя и замысловатыя порученія. Вообще, Макарка былъ правой рукой прикащика Разказова, который дорожилъ имъ, какъ кладомъ.